Д. А. КОМИССАРОВ

Комиссаров Дмитрий Алексеевич
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория востоковедения, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (925) 713-15-30
E-mail: dmk13@yandex.ru

ЛЕГЕНДА О ПЕРВОМ ЦАРЕ В «САНГХАБХЕДАВАСТУ»

Аннотация. Статья содержит комментированный перевод фрагмента буддийского памятника «Сангхабхедавасту», в котором излагается легенда о первых людях и о формировании общественного устройства и института царской власти. Во введении, предваряющем этот перевод, рассказывается о других древних текстах, содержащих данную легенду, о фигуре первого царя и ее судьбе в странах распространения буддизма, а также сообщаются краткие сведения о «Сангхабхедавасту».

Ключевые слова: Махасаммата, Сангхабхедавасту, буддийская литература

Согласно буддийской мифологии, мир, в котором мы живем, цикличен: он зарождается, развивается, переживает период упадка, разрушается и затем возникает вновь. Количество циклов не поддается исчислению, а силой, которая лежит в основе этих глобальных процессов, выступает карма — совокупность благих и дурных поступков всех живых существ. Последствия этих поступков, по представлениям буддистов, не устраняются даже по исчезновении вселенной, но дают толчок для ее нового рождения.

Карма же играет ведущую роль и в возникновении общественных отношений в целом и царского института в частности. По легенде, каждый раз в период возникновения мира живые существа пребывают в одной из небесных сфер, они обладают прекрасным обликом, их тела излучают сияние, а пищей им служит радость. Но однажды наступает момент, когда последствия их прошлых деяний вынуждают их сойти с небесной обители и, «обретя человеческий удел», поселиться на земле, сплошь покрытой океаном. Со временем на поверхности этого океана возникает «нектар земли», вкус которой подобен вкусу меда. Некогда питавшиеся радостью

© Д. А. КОМИССАРОВ

существа начинают принимать в пищу этот нектар. От этого их тела лишаются своего прежнего сияния, и мир погружается во мрак. Тогда на небе возникают светила, в мире появляются дни и ночи, месяцы и времена года. Те из живых существ, кто ест больше нектара, становятся безобразными, а те, кто ест меньше и сохраняют свой прекрасный облик, испытывают гордость за свою красоту и презирают остальных. Из-за жадности, гордости и презрения, царящих в мире, «нектар земли» исчезает, и вместо него появляется «земляной пирог». Существа начинают питаться им, но в результате их дурных деяний он тоже исчезает, и вместо него появляется «лесная лиана», а на смену «лесной лиане» приходит дикий рис. Этот рис растет сам собой и дает новый урожай каждое утро и каждый вечер. У живых существ, принимающих его в пищу, появляются мужские и женские отличительные признаки, и тогда они начинают испытывать страсть друг к другу. Не желая терпеть нарекания от остальных и подвергаться наказаниям, мужчины и женщины возводят дома, укрывшись в которых, они вступают между собой в связь — так возникают первые семьи. Живые существа утром собирают рис для утренней пищи, а вечером — для вечерней. Но вот некое ленивое существо делает запас, и прочие начинают брать с него пример. Из-за этого рис перестает расти сам собой и покрывается шелухой. Опечаленные существа решают разделить между собой поля и заниматься выращиванием риса каждый на своей территории — так у них впервые появляется понятие о своем и чужом. Но однажды некое жадное существо начинает воровать чужой урожай. Его приводят на собрание и подвергают осуждению. Тогда для поддержания порядка принимают решение избрать самое прекрасное и добродетельное существо и назначить его охранителем полей. За работу ему платят долю от общего урожая. Так в мире появляется первый царь.

Древнейшие из дошедших до нас вариантов этой легенды представлены в трех текстах:

1. В «Аггання-сутте» («Сутте о начале»), входящей в состав раздела «Дигха-никая» палийского канона — собрания текстов буддийской школы Тхеравада. Предположительное время создания этой сутты — III в. до н. э.[1]

2. В «Махавасту» («Великой истории») — пространном жизнеописании Будды, включенном в *винаю* (монашеский устав) Локоттаравады — ответвления школы Махасангхика. Это произведение составлялось на протяжении длительного времени — приблизительно со II в. до н. э. по IV в. н. э. [Jones 1949: xi].

3. В «Сангхабхедавасту» («Истории о расколе общины») — сочинении, также повествующем о жизни Будды и входящем в состав *винаи*, однако принадлежащем школе Муласарвастивада. Предположительное время формирования этого памятника — первые века н. э. [Gnoli 1977: xvi–xx].

[1] Подробно о датировке палийского канона в целом и «Дигха-никаи» в частности см.: [Law 1933: 1–43].

Хотя перечисленные произведения относятся к разным направлениям буддизма, нет сомнений в том, что все три версии «легенды о первом царе» восходят к одному «пратексту». В пользу этого свидетельствуют многочисленные текстуальные совпадения, которые можно легко продемонстрировать на примере одного короткого фрагмента, представленного в трех вариантах.

Аггання-сутта
Hoti kho so vāseṭṭha samayo yaṃ kadāci karahaci dīghassa addhuno accayena ayaṃ loko saṃvaṭṭati. Saṃvaṭṭamāne loke ye bhuyyena sattā ābhassarasaṃvattanikā honti. Te tattha honti manomayā pītibhakkhā sayaṃpabhā antalikkhacarā subhaṭṭhāyino ciraṃ dīghamaddhānaṃ tiṭṭhanti [Aggaññа-sutta: 119].
(Однажды, о Васеттха, наступает эпоха, когда, спустя долгое время, эта вселенная сворачивается. Те многие существа, что живут в [небесном мире] Абхасвара, когда сворачивается вселенная, бывают в то время сотворенными из сознания, вкушающими радость, излучающими сияние, передвигающимися по небу, не теряющими своего блеска. Долго, на протяжении долгого времени они остаются такими[2].)

Махавасту
Bhavati bhikṣavaḥ sa kālo bhavati sa samayo yad ayaṃ loko dīrghasyādhvano 'tyayena saṃvartati. Saṃvartamāne ca punar bhikṣavo loke yobhūyena satvā ābhāsvare devanikāye apapadyanti ‹…› te bhavanti satvā svayaṃprabhāḥ antarīkṣacarā manomayā prītibhakṣāḥ sukhasthāyino yenakāmaṃgatāḥ [Mahāvastu: 1.338].
(Бывает, о монахи, время, бывает эпоха, когда, спустя долгое время, эта вселенная сворачивается. И те многие существа, о монахи, что рождаются среди богов Абхасвара, когда сворачивается вселенная ‹…› те существа бывают излучающими сияние, передвигающимися по небу, сотворенными из сознания, вкушающими радость, не теряющими своего счастья, странствующими по желанию.)

Сангхабхедавасту
Bhavati, gautamā, sa samayo yad ayaṃ lokaḥ saṃvartate; saṃvartamāne loke, yadbhūyasā sattvā ābhāsvare devanikāye upapadyante; te tatra bhavanti rūpino manomayāḥ avikalā ahīnendriyāḥ sarvāṅgapratyaṅgopetāḥ śubhā varṇasthāyinaḥ svayaṃprabhā vihāyasaṅgamāḥ prītibhakṣāḥ prītyāhārāḥ dīrghāyuṣo dīrgham adhvānaṃ tiṣṭhanti [Gilgit Manuscript (1): 7].
(Бывает время, о потомки Готамы, когда эта вселенная сворачивается. И те многие существа, что рождаются в божественной обители Абхасвара, когда сворачивается вселенная, бывают тогда прекрасными, сотворенными из сознания, безупречными, наделенными

[2] Здесь и далее перевод мой.

полноценными индриями, обладающими всеми главными и второстепенными членами тела, блистающими, не меняющими [своего] цвета, излучающими сияние, передвигающимися по небу, вкушающими радость, питающимися радостью, живущими долго. Долгое время они остаются [такими].)

Такого рода совпадения в упомянутых памятниках наблюдаются на протяжении всей «истории о первом царе». Столь близкое родство трех версий легенды на уровне текста подразумевает минимум отличий и на содержательном уровне. Действительно, расхождения, выявляемые в ходе сопоставления данных фрагментов, незначительны и нисколько не влияют на общий ход повествования. Стоит, пожалуй, упомянуть лишь об отличиях в том, каким образом авторы рассматриваемых памятников, используя приемы народной этимологии, пытаются объяснить происхождение ряда слов, употребляемых в отношении избранного древними шакьями правителя: «царь» (*rājan*), «кшатрий» (*kṣatriya*) и «Махасаммата» (*mahāsammata*).

Согласно редакциям легенды, представленным в «Аггання-сутте» и «Сангхабхедавасту», слово *rājan* ‘царь’ происходит от глагола √*raj* ‘радоваться’ (в каузативной основе — ‘радовать’), поскольку царь радует (*rañjayati*, пали *rañjeti*) своих подданных исполнением Дхармы, мудростью и добродетельным поведением [Aggañña-sutta: 131; Gilgit Manuscript (1): 15]. В «Махавасту» предлагается другая этимология: *rājan* возводится к глаголу √*arh* ‘быть достойным’, ведь правитель «достоин (*arahati*) доли риса с рисовых полей» [Mahāvastu: 1.348].

В отношении слова *kṣatriya* ‘кшатрий’ составители «Аггання-сутты» и «Сангхабхедавасту» также демонстрируют солидарность: они связывают его со словом *kṣetra* (пали *khetta*) ‘поле’, ведь царь является «управителем полей» (*kṣetrāṇām adhipatiḥ*, пали *khettānaṃ adhipati*). При этом в «Сангхабхедавасту» предлагается и второй вариант этимологии, по которому *kṣatriya* происходит от сочетания двух слов: *kṣatāt … trāyate* («защищает от гибели») [Aggañña-sutta: 131; Gilgit Manuscript (1): 15]. Выяснить наверняка, как объясняется данное слово в «Махаваству», невозможно из-за повреждения рукописи. Судя по всему, оно возводится к глаголу √*rakṣ* ‘защищать’ [Jones 1949: 293, fn. 4].

Что касается композита *mahāsammata*, то в объяснении его происхождения все три версии легенды единодушны: так первого царя называли потому, что он был «превозносим многими людьми» (*mahājanasammato* [Aggañña-sutta: 131], *mahājanena saṃmato* [Gilgit Manuscript (1): 15], *mahatā janakāyena saṃmato* [Mahāvastu: 1.348]). Тем не менее, несмотря на такое единство авторов древних текстов, в данном случае мы все же имеем дело лишь с народной этимологией, мало способствующей пониманию этого слова. Перевод композита *mahāsammata* представляет собой определенные трудности. С. Тамбье и С. Коллинз, по-видимому под влиянием представленных в этих памятниках объяснений, предлагают переводить его как «одобряемый многими» и «почитаемый многими» соответственно

[Kim 2015: 227–228]. Однако такая интерпретация возможна лишь при допущении того, что часть композита, имевшая значение ‘люди’ или ‘собрание людей’, по каким-то причинам была утрачена, поскольку *mahā-* само по себе в составе сложного слова вряд ли может обозначать ‘множество’. Те же исследователи предлагают и другие, не привязанные к контексту и, на наш взгляд, более допустимые варианты перевода: С. Табье — «великий избранник», С. Коллинз — «почитаемый как великий» [Ibid: 227–228].

Помимо буквального перевода, большую трудность вызывает вопрос о том, в какой функции выступает это слово, стоящее в одном ряду с указаниями на социальный статус и варновую принадлежность первого правителя. Какой бы из упомянутых переводов композита ни оказался в итоге правильным, все они заставляют думать, что речь идет либо о титуловании царя, либо о его эпитете. В подтверждение последнего Р. Гомбрих указывает на наличие композитов схожей структуры в той же «Аггання-сутте»: *hīnasammata* ‘почитаемый как низкий’ и *seṭṭhasammata* ‘почитаемый как лучший’ [Kim 2015: 227–228]. Однако очевидно, что уже в древности слово «Махасаммата» стало восприниматься как имя легендарного первого правителя: именно это имя, согласно древним генеалогическим спискам, стоит в начале родословной великих индийских царей.

Подобные генеалогические списки, в частности, продолжают рассматриваемую нами легенду в «Сангхабхедавасту» и «Махавасту»: в них после рассказа об избрании правителя кратко говорится о его потомках и называются их имена [Gilgit Manuscript (1): 15–16; Mahāvastu: 1.348]. В палийской сутте же перечень царей отсутствует, а история продолжается повествованием о происхождении индийских варн [Aggañña-sutta: 132–135]. Это различие связано с контекстами, в которые помещена легенда о первом царе, и с той функцией, которую она несет в этих контекстах. В первых двух памятниках этот сюжет открывает либо произведение в целом, либо один из его разделов, и представляет собой вступление в длинной истории о возникновении человечества и, в частности, рода шакьев, возводимого к Махасаммате. В «Аггання-сутте» рассматриваемая легенда рассказывается Буддой в ответ на речь брахманов Васеттхи и Бхарадваджи, которые говорят, что, по мнению других брахманов, их варна главная и самая чистая из всех, ведь они родились из уст бога Брахмы, в то время как последователи Будды, ставшие монахами, нечисты и родились из стоп Брахмы. Гаутама излагает альтернативную версию мифа о зарождении варн, в которой история о первом царе, избранном для защиты справедливости, превращается в историю о первом кшатрии, и о происхождении понятия «кшатрий».

Как бы то ни было, с точки зрения композиционной структуры легенда о Махасаммате выглядит законченным произведением. И в том и в другом случае ее помещение внутрь более крупных текстов несет искусственный характер. Вполне вероятно, что изначально эта история была не о правителе по имени Махасаммата, положившем начало великому царскому роду, а также не о происхождении варн, а о возникновении общественного устройства и института царя.

И все же со временем, в процессе распространения буддизма на территории Индии и далеко за ее пределами, фигура Махасамматы завоевала большую популярность. Его известность на севере Индии подтверждается упоминанием его имени в тех генеалогиях царей-предков Будды, которые представлены в канонических текстах школы Сарвастивада и в «Махавасту». Легенда о нем пересказывается в китайском переводе «Абхинишкрамана-сутры» [Kim 2015: 232], а также в буддийском философском трактате «Абхидхармакоша» Васубандху, созданном приблизительно в середине I тысячелетия н. э. [Васубандху 2001: 286–287]. Существует предание, согласно которому Махасаммата прошел царское посвящение в городе Адираджья и обрел прекрасного коня в городе Бхадрашва — оба эти города расположены на берегах реки Гидасп, впадающей в Инд [Lamotte 1988: 429].

В буддийском направлении Тхеравада, распространившемся на Шри-Ланке и на обширной территории Юго-Восточной Азии, имя легендарного царя также широко известно. Оно встречается в палийских джатаках, упоминается первым в списках древних царей из палийских хроник, а также фигурирует и в более поздних текстах на пали [Kim 2015: 232–236].

Стараниями древних и средневековых переводчиков канонических буддийских сочинений на китайский язык легенда о Махасаммате стала известна в Китае, а затем и в Японии. В ходе бытования этой истории на Дальнем Востоке фигура первого царя претерпевала удивительные изменения, превращаясь то в добродетельного правителя, то в жестокого тирана или судью в адских мирах [Rambelli 2014].

Ниже предлагается перевод[3] той версии легенды о первом царе, которая представлена в «Сангхабхедавасту».

«Сангхабхедавасту» составляет 17-й раздел *винаи* одной из древнейших буддийских школ — Муласарвастивады. Эта *виная* была составлена на санскрите, однако полностью сохранилась только в тибетском переводе VII–IX вв. Некоторые разделы (в том числе и 17-й) свода монашеских правил были переведены на китайский язык в начале VII в., однако этот перевод неточен [Gnoli 1977: xiii]. Датировка *винаи* вызывает большие трудности. Издатель санскритского текста «Сангхабхедавасту» Р. Ньоли полагает, что она была составлена в период правления царя Канишки (II в. н. э.) или даже раньше [Gnoli 1977: xvii–xx]. Произведения, входящие в состав *винаи* муласарвастивадинов, не объединены какой-либо одной темой или функцией. Этот свод представляет собой собрание текстов абсолютно разных жанров и разного содержания.

«Сангхабхедавасту» — объемное произведение, изданное Р. Ньоли в 1977 г. в двух томах [Gilgit Manuscript (1–2)]. Оно повествует о легендарной истории мира от самого его зарождения до эпохи правления царя Шуддходаны, отца Будды, о жизни Шакьямуни от зачатия до достижения им

[3] Перевод выполнен по изданию [Gilgit Manuscript (1)].

просветления, об основании им общины монахов и мирян, и наконец, о расколе общины по вине его двоюродного брата Девадатты. «Сангхабхедавасту» представляет собой прозаический текст со стихотворными вставками. Он содержит множество интерполяций из более древних буддийских произведений. Язык «Сангхабхедавасту» — так называемый буддийский гибридный санскрит[4], близкий к классическому в прозе и изобилующий гибридными особенностями в стихотворных фрагментах.

* * *

Будда Бхагаван[5] пребывал в Капилавасту[6], в парке Ньягродха[7]. И вот многочисленные шакьи из Капилавасту, сошедшиеся в зале для собраний и восседавшие [там], стали обсуждать меж собой: «Откуда появились почтенные шакьи? Были ли они первыми? Были ли они [чьими-то] потомками? И какой из родов шакьев древнейший? Если кто-нибудь подойдет к нам и спросит: “Откуда появились почтенные шакьи? Были ли они первыми? Были ли они [чьими-то] потомками? И какой из их родов древнейший?” — если [нас] спросят об этом, что мы расскажем? Ведь мы не знаем, откуда появились шакьи, были ли они первыми, были ли они [чьими-то] потомками и какой из их родов древнейший. Так пойдем же к Бхагавану! Придя к Бхагавану, расспросим его об этом! И как Бхагаван нам расскажет, так мы и запомним![8]»

И вот многочисленные шакьи из Капилавасту пришли к Бхагавану. Придя, они почтительно поклонились ему в ноги и сели в стороне. Сидя в стороне, многочисленные шакьи из Капилавасту так сказали Бхагавану: «Ныне мы, о почтенный, многочисленные шакьи из Капилавасту, сошедшиеся в зале для собраний и восседавшие [там], стали обсуждать меж собой: “Откуда появились шакьи? Были ли они первыми? Были ли они [чьими-то] потомками? И какой из их родов древнейший? Если кто-нибудь подойдет к нам и спросит: “Откуда появились почтенные шакьи? Были ли они первыми? Были ли они [чьими-то] потомками? И какой из их родов древнейший?” — если [нас] спросят об этом, что мы расскажем? Ведь мы не знаем, откуда появились шакьи, были ли они первыми, были ли они [чьими-то] потомками и какой из родов древнейший. Так пойдем же к Бхагавану! Придя к Бхагавану, расспросим его об этом! И как Бхагаван нам расскажет, так мы и запомним!” И вот мы спрашиваем об этом: “Откуда, о Бхагаван, появились шакьи? Были ли они первыми? Были ли они [чьими-то] потомками? И какой из родов шакьев древнейший?”»

[4] О буддийском гибридном санскрите см.: [Edgerton 1985 (1): 1–15; Norman 1997: 95–113].

[5] Бхагаван (*bhagavān*), букв. «обладающий [счастливой] долей»; в санскритской литературе данное слово используется в качестве эпитета богов или высоко чтимых людей; в буддийской литературе употребляется исключительно по отношению к Будде; при переводе буддийских текстов на английский язык традиционно передается как «Blessed one», «Exalted one», «Lord».

[6] Капилавасту (*Kapilavastu*, также *Kapilāhvaya* — букв. «[Город], названный именем Капилы»; пали *Kapilavatthu*) — столица племени шакьев, родной город Сиддхартхи Гаутамы, в котором он жил, пока не покинул царский дворец и не стал странствующим аскетом; Капилавасту располагался к северу от древнего царства Кошалы, рядом с границей современного Непала [Robert, Buswell 2014: 418].

[7] Парк Ньягродха (*Nyagrodhārāma*, пали *Nigrodhārāma*) — парк рядом с Капилавасту, дарованный общине шакьем по имени Ньягродха; в нем Будда пребывал во время своего первого визита в Капилавасту по достижении им просветления, а также еще не раз посещал его в течение своей жизни; в этом месте Буддой были провозглашены некоторые положения *винаи* — свода правил поведения для буддийских монахов.

[8] «Запомним» — *dhārayiṣyāmaḥ*, букв. «сохраним».

И Бхагаван подумал так: «Если я поведаю соответствующую Дхарме историю о шакьях начиная с древнейшего рода, то случится так, что странствующие аскеты, исповедующие другие учения, будут говорить: "Шрамана[9] Гаутама восхваляет сам себя! Что хочет, то и рассказывает!" Кто же из моих учеников способен в присутствии монахов поведать соответствующую Дхарме историю о шакьях начиная с древнейшего рода?»

А тем временем среди восседающих в том собрании присутствовал почтенный Махамаудгальяяна[10]. Тогда Бхагаван обратился к почтенному Махамаудгальяяне: «Да снизойдет на тебя вдохновение, Маудгальяяна, чтобы [ты смог] в присутствии монахов поведать соответствующую Дхарме историю о шакьях начиная с древнейшего рода. У меня [же] устала спина, и я хочу прилечь[11]». Почтенный Махамаудгальяяна молчанием выразил свое согласие с Бхагаваном. И вот, увидев, что почтенный Махамаудгальяяна молчанием выразил свое согласие, Бхагаван положил под голову свернутую в несколько раз *сангхати*[12] и, поместив одну ногу на другую, лег на правый бок, сохраняя способность воспринимать свет, [оставаясь] внимательным, бдительным, готовым встать в любой момент[13].

Махамаудгальяяна же подумал так: «Что если я погружусь в такое сосредоточение, чтобы в уме, сосредоточенном таким образом, я узрел древнейший род шакьев: откуда появились шакьи, были ли они первыми, были ли они [чьими-то] потомками и какой из родов шакьев древнейший». И вот почтенный Махамаудгальяяна погрузился в сосредоточение такого рода, что в уме, сосредоточенном таким образом, он узрел древнейший род шакьев. Узрев древнейший род шакьев, почтенный Махамаудгальяяна увидел, откуда появились шакьи, кому они предшествовали, чьими потомками они были и какой из родов шакьев древнейший. Увидев же, он оставил то сосредоточение и сел на предложенное сидение перед общиной монахов. Сев, почтенный Махамаудгальяяна обратился к шакьям из Капилавасту:

— Бывает время, о потомки Готамы[14], когда эта вселенная сворачивается. И те многие существа, что рождаются в божественной обители Абхасвара[15], когда сворачивается вселенная, бывают тогда прекрасными, сотворенными из созна-

---

[9] Шрамана (*śramaṇa*) — общее обозначение последователей различных философских школ, живших и творивших на территории Древней Индии в эпоху так называемого шраманского периода индийской философии, приблизительно в VI–V вв. до н. э. (см. подробнее: [Шохин 2007]).

[10] Махамаудгальяяна (*Mahāmaudgalyāyana*, также *Maudgalyāyana*, пали *Mahāmoggallāna*) — один из самых знаменитых учеников Будды, славившийся своими сверхъестественными способностями; часто упоминается в паре с Шарипутрой (*Śāriputra*).

[11] «И я хочу прилечь» — *tat tāvad āyāmayiṣyāmi*, букв. «поэтому я растяну ее (спину. — *Д. К.*)».

[12] Сангхати (*saṃghāṭī*) — самая большая из трех частей традиционной монашеской одежды, накидка, иногда ее сворачивают в несколько раз и используют для сидения [Edgerton 1985 (2): 549].

[13] «Готовый встать в любой момент» — *utthānasamjñam eva manasikurvānaḥ*, букв. «хранящий в голове мысль о том, чтобы встать».

[14] Готама (*Gotama*, букв. «Лучший среди быков») — основатель рода Гаутамов (*Gautamāḥ*, букв. «Готамовы» или «потомки Готамы»), к которому принадлежал и Будда; именем Готама обладали несколько знаменитых брахманов Древней Индии, в том числе один из авторов ведийских гимнов.

[15] Абхасвара (*ābhāsvara*, букв. «Сияющая», в переводе В. И. Рудого и Е. П. Островской — «боги [сферы] Лучезарного сияния») — класс богов, населяющих один из трех небесных уровней буддийского космоса — Мир Форм [Васубандху 2001: 189–190].

ния, безупречными, наделенными полноценными *индриями*[16], обладающими всеми главными и второстепенными членами тела, блистающими, не меняющими [своего] цвета, излучающими сияние, передвигающимися по небу, вкушающими радость, питающимися радостью, живущими долго. Долгое время они остаются [такими].

И вот в то время на этой великой земле не существует ничего кроме воды, ничего кроме океана. И та колеблющаяся от ветра поверхность великой земли, на которой не существует ничего кроме воды, ничего кроме океана, [стала] успокаиваться, застывать, стягиваться, подобно тому, как колеблющаяся от ветра поверхность вскипяченного [и затем] остывшего молока успокаивается, застывает, стягивается, так же и колеблющаяся от ветра поверхность великой земли, на которой не существовало ничего кроме воды, ничего кроме океана, [стала] успокаиваться, застывать, стягиваться. Она становится нектаром земли, наделенным цветом, наделенным запахом, наделенным вкусом: таким цветом, какой [бывает] у свежего масла, таким вкусом, какой [бывает] у чистого меда *кшаудра*[17].

Бывает время, о потомки Готамы, когда эта вселенная [вновь] разворачивается. Когда разворачивалась вселенная, у некоторых существ иссяк жизненный срок, иссякла карма, иссякли духовные заслуги, и поэтому они покинули божественную обитель Абхасвара и так обрели человеческий удел. Здесь (на земле. — *Д.К.*) они были прекрасными, сотворенными из сознания, безупречными, наделенными полноценными *индриями*, обладающими всеми главными и второстепенными членами тела, блистающими, не меняющими [своего] цвета, испускающими сияние, передвигающимися по небу, вкушающими радость, питающимися радостью, живущими долго. Долгое время они оставались [такими]. И тогда не были [еще] явлены в мире ни солнце и луна, ни созвездия, ни *кшаны*, *лавы* и *мухурты*[18], ни день с ночью, а также не были явлены в мире месяцы, половины месяцев, времена года и годы. Не было различий между мужчиной и женщиной, и не было иных [различий], а называли [они друг друга] так: «Существо! Существо!»

И вот некое жадное существо, [взяв] нектар земли кончиком пальца, попробовало его. Едва попробовав, оно испытало наслаждение. Испытав наслаждение, оно стало есть [его] целыми пригоршнями. Другие же существа увидели, как то существо, [взяв] нектар земли кончиком пальца, попробовало его, и как, едва попробовав, оно испытало наслаждение, и как, испытав наслаждение, оно стало есть [его] целыми пригоршнями. И увидев это, те существа тоже стали пробовать нектар земли, [беря его] кончиком пальца. Едва попробовав, они испытывали наслаждение. Испытав наслаждение, они ели [его] целыми пригоршнями. И после того как те существа съели пригоршни нектара земли, тела тех существ стали грубыми и тяжелыми. Те сияние и цвет, что были у них, исчезли. Мир погрузился во тьму. И, в соответствии с Дхармой,

---

[16] В древнеиндийской литературе под индриями (*indriyāṇi*) как правило подразумеваются пять органов чувств; в буддийских текстах этим термином могут также обозначаться определенные качества или функции психики. Васубандху в трактате «Абхидхармакоша» перечисляет 22 таких качества (см.: [Васубандху 1998: 249, а также 2-й раздел]).

[17] Мед кшаудра — *kṣaudramadhu*, по-видимому, имеется в виду мед, полученный от цветов растения *kṣaudra*, которое в словаре Моньер-Уильямса отождествляется с Michelia Campaka [Monier-Williams 2004: 333].

[18] Кшаны, лавы и мухурты (*kṣaṇalavamuhūrtāḥ*) — единицы измерения времени, перечисленные в порядке возрастания их продолжительности; согласно Васубандху, одна мухурта составляет 30 лав, а одна лав — 60 кшан, в то время как продолжительность одной кшаны — чуть больше одной секунды [Васубандху 2001: 274–275, а также примеч. 88.2 и 89.1].

из-за того что мир погрузился во тьму, в мире появились солнце и луна, в мире появились созвездия, *кшаны*, *лавы* и *мухурты*, день с ночью, месяцы, половины месяцев, времена года и годы.

Те [существа] жили долго и долгое время питались таким образом, принимали такую пищу, жили. Из них тот, кто употреблял меньше пищи, обладал ярким цветом, а тот, кто употреблял больше пищи, обладал тусклым цветом. Так были известны две степени [яркости] цвета, зависящие от двух разных мер [принимаемой] пищи. На основе той или иной степени яркости цвета одно существо презирало другое, [говоря]: «Эй, существо! Я обладаю ярким цветом, а ты — тусклым!» У них, гордых своим цветом, из-за обретения таких порочных, неблагих качеств пропал нектар земли. Когда пропал нектар земли, те существа встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали. И они говорили так: «Ах, нектар! Ах, нектар!» Это как теперь люди, отведав какого-нибудь сладкого яства, вспоминают эти же древние звуки и слова и говорят[19] так: «Ах, нектар! Ах, нектар!» Так и те существа, о потомки Готамы, когда пропал нектар земли, встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали. И они говорили так: «Ах, нектар! Ах, нектар!» И [люди теперь] не знают смысла этих [слов, когда говорят]: «Таков смысл этого высказывания. Таков смысл этого высказывания».

Когда пропал нектар земли, у тех существ появился земляной пирог[20], наделенный цветом, наделенный запахом, наделенный вкусом. Цветом он был подобен цветку *карникара*[21], вкусом он был подобен чистому меду *кшаудра*. Те [существа] жили долго и долгое время питались таким образом, принимали такую пищу. Из них тот, кто употреблял меньше пищи, обладал ярким цветом, а тот, кто употреблял больше пищи, обладал тусклым цветом. Так были известны две степени [яркости] цвета, зависящие от двух разных мер [принимаемой] пищи. На основе той или иной степени яркости цвета одно существо презирало другое, [говоря]: «Эй, существо! Я обладаю ярким цветом, а ты — тусклым!» У них, гордых своим цветом, из-за обретения таких порочных, неблагих качеств пропал земляной пирог. Когда пропал земляной пирог, те существа встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали. И они говорили так: «Ах, увы! Ах, увы!» Это как теперь люди, мучимые какой-нибудь тяжкой скорбью, употребляют эти же древние звуки и слова и говорят так: «Ах, увы! Ах, увы!» Так же и те существа, когда пропал земляной пирог, встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали. И они говорили так: «Ах, увы! Ах, увы!» И [люди теперь] не знают смысла этих [слов, когда говорят]: «Таков смысл этого высказывания. Таков смысл этого высказывания».

---

[19] «Говорят» — *āhuḥ*, форма перфекта 3-го л. мн. ч. от глагола √ah ‘говорить’, который отмечается в словарях как неправильный и встречающийся исключительно в перфекте. Однако контекст позволяет переводить его только формой настоящего времени соответствующего русского глагола [Monier-Williams 2004, ст. «ah»].

[20] «Земляной пирог» (*pṛthivī-parpaṭaka*), очевидно, соответствует палийскому *bhūmi-pappaṭaka*; представляет собой композит, первая часть которого означает ‘земной’; для второй части словари Моньер-Вильямса, Рис Дэвидса и Эджертона предлагают разные значения: ‘вид лечебного растения’, ‘пирог’, ‘водяное растение’, ‘осколок’; в тибетском переводе этот композит передается сочетанием *sa zhag* (букв. «жир земли», «масло земли») [Gilgit Manuscript (1): 9, fn. (a)], в китайском — биномом 地餅 (букв. «земляная лепешка») [Sanghabhedavastu Taisho: 0099c09–10]; при этом Ф. Эджертон полагает, что весь композит следует понимать как «гриб» [Edgerton 1953 (2): 333].

[21] «Карникара» (*karṇikāra*) — лат. Pterospermum acerifolium [Monier-Williams 2004, ст. «Karṇikāra»].

Когда пропал земляной пирог, то у тех существ появилась лесная лиана, наделенная цветом, наделенная запахом, наделенная вкусом. Цветом она была подобна цветку *кадамбака*[22], вкусом она была подобна чистому меду *кшаудра*. Те [существа] жили долго и долгое время питались таким образом, принимали такую пищу. Из них тот, кто употреблял меньше пищи, обладал ярким цветом, а тот, кто употреблял больше пищи, — тусклым цветом. Так были известны две степени [яркости] цвета, зависящие от двух разных мер [принимаемой] пищи. На основе той или иной степени яркости цвета одно существо презирало другое, [говоря]: «Эй, существо! Я обладаю ярким цветом, а ты — тусклым!» У них, гордых своим цветом, из-за обретения таких порочных, неблагих качеств пропала лесная лиана. Когда пропала лесная лиана, те существа встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали. И они говорили так: «Уходи вперед! Уходи вперед!»[23] ‹…› Так же и те существа, когда пропала лесная лиана, встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали. И они говорили так: «Уходи вперед! Уходи вперед!» И [люди теперь] не знают смысла этих [слов, когда говорят]: «Таков смысл этого высказывания. Таков смысл этого высказывания».

Когда, о потомки Готамы, пропала лесная лиана, у тех существ без пахоты и сева появился чистый, белый, полностью выросший очищенный рис величиной в четыре пальца, без оболочки, без шелухи. Если его убирали вечером, то к рассвету он снова вырастал и созревал. Если его убирали на рассвете, то к вечеру он снова вырастал и созревал. Так, сколько бы его ни убирали, он снова вырастал, [и его вновь] находили неубранным. Те [существа] жили долго и долгое время питались им, принимали его в пищу. Затем те существа, не занимаясь пахотой и севом, стали есть очищенный рис целыми пригоршнями. Из-за этого у них возникли различия в *индриях*. У одних [появилась] женская *индрия*, у других — мужская *индрия*[24].

И тогда те, у кого была женская *индрия*, и те, у кого была мужская *индрия*, стали пристально разглядывать друг друга. По мере того как они разглядывали друг друга, в них пробуждалась страсть. По мере того как в них пробуждалась страсть, они приходили в смятение. По мере того как они приходили в смятение, их поведение становилось неподобающим. [И вот] некоторые из них заметили, как [некое] существо совершает неподобающее деяние по отношению к [другому] существу, и, заметив, [стали] бросать [в него] пыль, землю, камни, черепки и говорить: «Позор тебе, низменное существо, поступающее дурно! Позор тебе, низменное существо, поступающее дурно! О существо, как же сейчас ты склоняешь к мерзостным поступкам [другое] существо?!» Это как теперь девушку, которую выдают замуж, покрывают ароматным порошком, благовониями, гирляндами, одеждами и говорят: «Будь счастлива, девушка! Будь счастлива, девушка!» Так и те существа, заметив, как [некое] существо совершает неподобающее деяние по отношению к [другому] существу, [стали] бросать

---

[22] «Кадамбака» (*kadambakā*), по-видимому, то же, что и *kadamba* — лат. Nauclea Cadamba [Monier-Williams 2004, ст. «Kadamba»].

[23] В издании Р. Ньоли [Gilgit Manuscript (1): 10] отмечается, что в данном месте пропущено предложение; в примечании к тексту приводится тибетский перевод отсутствующего фрагмента: «dper na da ltar mi rnams 'ga' zhig la tshig drag po'i tshar gcad par 'dod pa na | sngon gi yi ge dang tshig dang tshig 'bru de dag nyid rjes su zlos shing 'di skad ces | mdun nas phar song» («Как теперь, если люди хотят сдержаться от произнесения грубых слов в чей-то адрес, они повторяют именно эти древние буквы, слова и звуки, говоря: "Уходи вперед!"»).

[24] Женская *индрия*, мужская *индрия* (*strīndriyam, puruṣendriyam*) — согласно Васубандху, шестая и седьмая из списка двадцати двух *индрий* (см. примеч. 16); они определяют телесные и поведенческие особенности индивида соответственно его половой принадлежности [Васубандху 1998: 432].

[в него] пыль, землю, камни, черепки и говорить: «Позор тебе, низменное существо! Позор тебе, низменное существо, поступающее дурно! О существо, как же сейчас ты склоняешь к мерзостным поступкам [другое] существо?!»

Так, о потомки Готамы, что прежде считалось противоречащим Дхарме, ныне считается соответствующим Дхарме, что прежде считалось противоречащим правилам поведения, ныне считается соответствующим правилам поведения, что прежде считалось достойным порицания, ныне считается достойным прославления. Они изгоняли его на один день, и на два, и на три, и на семь дней они изгоняли его.

Как только у тех существ возникло сильное стремление к падению и [следованию] дурной, неблагой Дхарме, они принялись возводить дома, [думая]: «Здесь мы будем совершать неподобающие деяния! Здесь мы будем совершать неподобающие деяния!» Так появилось понятие «дом». Это, о потомки Готамы, было первое в мире древнее деяние, совершенное в доме. И до тех пор, пока они [жили] в соответствии с Дхармой, не нарушая Дхарму, это была превосходная Дхарма владык-победителей[25].

Если они желали поесть вечерней пищи, они сходились для [сбора] риса вечером, если они желали поесть утренней пищи — то утром. Однажды некое ленивое существо вечером принесло утреннюю [порцию] риса. И вот одно существо сказало этому существу: «Пойдем, о существо, мы собираемся для [сбора] риса!» А это существо ответило ему так: «Ты беспокойся, о существо, о своем рисе! Я принес утреннюю [порцию] вечером». Тогда то существо подумало: «Это будет правильно, это будет хорошо, если я принесу двухдневную, трехдневную и даже семидневную [норму] риса!» Оно принесло двухдневную и даже семидневную [норму] риса. И вот одно существо сказало этому существу: «Пойдем, о существо, мы собираемся для [сбора] риса!» А это существо ответило ему так: «Ты беспокойся, о существо, о своем рисе! Я принес двухдневную, трехдневную и даже семидневную [норму] риса». Тогда то существо подумало: «Это будет правильно, это будет хорошо, если я принесу полумесячную, месячную [норму] риса!» Оно принесло полумесячную, месячную [норму] риса. И как только те существа стали питаться очищенным рисом, [выросшим] без пахоты и сева, делая запасы, зерна этого риса стали покрываться оболочкой и шелухой. Когда его срезали, он не вырастал снова. Он казался лишенным силы. Он стал расти среди лесов и зарослей.

И вот те существа встретились и, собравшись, предавались печали, горевали и причитали: «Прежде мы, о почтенные, были прекрасными, сотворенными из сознания, безупречными, наделенными полноценными *индриями*, обладающими всеми главными и второстепенными членами тела, блистающими, не меняющими [своего] цвета, излучающими сияние, передвигающимися по небу, вкушающими радость, питающимися радостью, живущими долго. Долгое время мы оставались [такими]. И у нас появился нектар земли, наделенный цветом, наделенный запахом, наделенный вкусом. Мы стали есть нектар земли целыми пригоршнями. И, после того как [мы] съели пригоршни нектара земли, наши тела стали грубыми и тяжелыми. Те сияние и цвет, [что были у нас], исчезли. Мир погрузился во тьму. Мы жили долго и долгое время питались таким образом, принимали такую пищу. Тот из нас, кто употреблял меньше пищи, обладал ярким цветом, а тот, кто употреблял больше пищи, обладал тусклым цветом. Так были известны две степени [яркости] цвета, зависящие от двух разных мер [принимаемой] пищи. На основе той или иной степени яркости цвета одно существо презирало другое, [говоря]: “Эй, существо! Я обладаю ярким цветом, а ты — тусклым!” И у нас, гордых своим цветом, из-за обретения таких по-

[25] «Владыка-победитель» — *jinendra*, в буддийской традиции «победителями» (*jina*) принято называть будд.

рочных, неблагих качеств пропал нектар земли. Когда пропал нектар земли, появился земляной пирог, наделенный цветом, наделенный запахом, наделенный вкусом. И у нас, гордых своим цветом, из-за обретения таких порочных, неблагих качеств пропал земляной пирог. Когда пропал земляной пирог, появилась лесная лиана, наделенная цветом, наделенная запахом, наделенная вкусом. И у нас, гордых своим цветом, из-за обретения таких порочных, неблагих качеств пропала лесная лиана. Когда пропала лесная лиана, без пахоты и сева появился чистый, белый, полностью выросший очищенный рис величиной в четыре пальца, без оболочки, без шелухи. Если его убирали вечером, то к рассвету он снова вырастал и созревал. Так, сколько бы его ни убирали, он снова вырастал, [и его вновь] находили неубранным. Мы жили долго и долгое время питались таким образом, принимали такую пищу. И как только мы стали питаться очищенным рисом, [выросшим] без пахоты и сева, делая запасы, зерна этого риса стали покрываться оболочкой и шелухой. Когда его срезали, он не вырастал снова. Он казался лишенным силы. Он стал расти среди лесов и зарослей. Что если мы, встретившись, собравшись, отмерим поля, определим границы и установим соглашение: “Это — твое, это — мое”?»

И они, встретившись, собравшись, отмерили поля, определили границы и установили соглашение. Это, о потомки Готамы, было первое в мире древнее соглашение. Это соответствовало Дхарме, не противоречило Дхарме. В то время эта Дхарма была лучшей Дхармой владык победителей.

И вот одно существо, имея свой рис, взяло чужой рис без разрешения. Другое существо увидело, что это существо, имея свой рис, берет чужой рис без разрешения. Увидев же, оно сказало тому существу так: «Эй, существо! Почему ты, имея свой рис, берешь чужой рис? Уходи, существо, и не поступай так больше!» И во второй, и в третий раз это существо, имея свой рис, брало чужой рис без разрешения. То существо увидело, что это существо и во второй, и в третий раз, имея свой рис, берет чужой рис без разрешения. Увидев же, оно сказало тому существу так: «Эй, существо! Почему ты, имея свой рис, берешь чужой рис без разрешения?» Оно его схватило, потащило и в конце концов бросило посреди собрания [со словами]: «Почтенные, это существо, имея свой рис, берет чужой рис». И тогда те существа сказали тому существу так: «Эй, существо! Почему ты, имея свой рис, трижды брал чужой рис без разрешения? Уходи, существо, и не поступай так больше!» И тогда то существо так сказало тем существам: «Почтенные, это существо из-за риса схватило меня, потащило и в конце концов унизило посреди собрания». И тогда те существа сказали тому существу так: «Эй, существо! Почему ты [это] существо из-за риса схватило, потащило и в конце концов бросило посреди собрания? Уходи, существо, и не поступай так больше!»

И вот те существа подумали так: «Почтенные, воистину, [мы] видели, как из-за риса хватают, тащат и бросают посреди собрания. Что если мы, встретившись, собравшись, самое прекрасное, самое доброжелательное, самое красивое, самое величественное существо из нас назначим управителем полей, и оно будет забирать у нас то, что следует забрать, и будет давать то, что следует дать? И из того, что будет появляться на наших полях, мы будем отдавать ему во владение в соответствии с Дхармой».

Встретившись, собравшись, они самое прекрасное, самое доброжелательное, самое красивое, самое величественное существо из них назначили управителем полей и сказали так: «Да будет так, о существо: забирай у нас то, что следует забрать, и давай то, что следует дать. Мы же из того, что будет появляться на наших полях, будем отдавать тебе во владение в соответствии с Дхармой». И оно забирало у них то, что следует забрать, и давало то, что следует дать. И из того, что появлялось на их полях, они отдавали ему во владение в соответствии с Дхармой. [О нем] говорили:

«Превозносимый многими людьми! Превозносимый многими людьми!» (*mahājanena saṃmataḥ*) — так [его] стали называть Махасамматой (*Mahāsammataḥ*)[26]. [О нем] говорили: «Он правитель полей (*kṣetrāṇām adhipatiḥ*) и он защищает от гибели (*kṣatāt ca trāyate*)!» — так [его] стали называть кшатрием (*kṣatriyaḥ*). [О нем] говорили: «Он радует (*rañjayati*, от глагольного корня *raj*. — *Д. К.*) подданных в соответствии с Дхармой совершением добродетельных деяний и совершением мудрых деяний!» — так [его] стали называть царем (*rājā*).

Литература

Васубандху 1998 — Васубандху. Энциклопедия абхидхармы или Абхидхармакоша. Раздел I: Дхатунирдеша, или Учение о классах элементов. Раздел II: Индриянирдеша, или Учение о факторах доминирования в психике / Вступит. ст. и пер. В. И. Рудого и Е. П. Островской. М.: Ладомир, 1998.

Васубандху 2001 — Васубандху. Энциклопедия абхидхармы, или Абхидхармакоша. Раздел III: Лока-нирдеша, или Учение о мире. Раздел IV: Карма-нирдеша, или Учение о карме / Вступит. ст. и пер. В. И. Рудого и Е. П. Островской. М.: Ладомир, 2001.

Шохин 2007 — *Шохин В. К.* Индийская философия: шраманский период (середина I тысячелетия до н. э.). СПб.: СПбГУ, 2007.

Aggañña-sutta — Aggañña-sutta // The Pāli Tipiṭaka. Suttapiṭaka. Dīghanikāya. URL: http://tipitaka.org/romn.

Edgerton 1985 — *Edgerton F*. Buddhist Hybrid Sanskrit grammar and dictionary: In 2 vols. Vol. 1: Grammar. Vol. 2: Dictionary. Delhi: Motilal Banarsidas, 1985. (Reprint, first ed.: New Haven: Yale Univ. Press, 1953).

Gilgit Manuscript — The Gilgit manuscript of the Saṅghabhedavastu: being the 17th and last section of the Vinaya of the Mūlasarvāstivādin / Ed. by R. Gnoli. In 2 parts. Part 1. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1977. Part 2. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1978.

Gnoli 1977 — *Gnoli R*. General introduction // The Gilgit manuscript of the Saṅghabhedavastu: being the 17th and last section of the Vinaya of the Mūlasarvāstivādin / Ed. by R. Gnoli. In 2 parts. Part 1. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1977. P. xiii-xxvi.

Jones 1949 — The Mahāvastu / Transl. by J. J. Jones. In 3 vols. Vol. 1. London: Luzac & Company, 1949.

Kim 2015 — *Kim Kyungrae*. The advent of a religious king to Sri Lankan Theravada tradition // India cheolhakhoe [= Indian Philosophy; Korea]. Vol. 44. 2015. P. 223-247.

Lamotte 1988 — *Lamotte É*. History of Indian Buddhism: from the origins to the Śaka era / Transl. from French by S. Webb-Boin. Louvain; Paris: Peeters Press, 1988.

Law 1933 — *Law B. Ch*. A history of Pāli literature. 2 vols. Vol. 1. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1933.

Mahāvastu — Mahāvastu / Based on the ed. by Émile Senart, 3 vols., Paris 1882-1897. URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sanskr/4_rellit/buddh/mhvastuu.htm.

[26] В тексте издания: «mahājanena saṃmato mahāsaṃmata iti mahāsaṃmato mahāsaṃmata iti saṃjñodapādi» — эта фраза трудна для понимания, в переводе использован исправленный Р. Ньоли на основе тибетской редакции вариант предложения, который приведен в примечании: «mahājanena saṃmato mahājanena saṃmata iti mahājanasaṃmato mahāsaṃmata iti…» [Gilgit Manuscript (1): 15, fn. 1].

Monier-Williams 2004 — *Monier-Williams M. A*. Sanskrit-English dictionary. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 2004.

Norman 1997 — *Norman K. R*. A Philological Approach to Buddhism. The Bukkyo Dendo Kyokai Lectures 1994. London: School of Oriental and African Studies, 1997.

Rambelli 2014 — *Rambelli F*. The vicissitudes of the Mahāsammata in East Asia: The Buddhist origin myth of kingship and traces of a republican imagination // The Medieval History Journal. Vol. 17. No. 2. 2014. P. 207-227.

Robert, Buswell 2014 — *Robert R. E., Buswell D. S*. The Princeton dictionary of Buddhism. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2014.

Saṅghabhedavastu Taisho — Saṅghabhedavastu / Transl. by Yi Jing // SAT Taishō Shinshū Daizōkyō Text Database. Vol. XXIV. Text № 1450. Tokyo. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ddb-bdk-sat2.php?lang=en.

A LEGEND OF THE FIRST KING IN *SAṄGHABHEDAVASTU*

Komissarov, Dmitriy A.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Senior Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (925) 713-15-30
E-mail: dmk13@yandex.ru

Abstract. The article contains an annotated translation of a fragment of the Buddhist text *Saṅghabhedavastu*, which recounts a legend about the appearance of the first people, the formation of social structures and the institutionalisation of royal power. The translation is preceded by an introduction that places the text in the context of other ancient documents that contain this legend and analyzes the figure of the first king and its fate in those countries where Buddhism would spread. The introduction also includes some brief information about *Saṅghabhedavastu* as a whole.

Keywords: Mahasammata, Saṅghabhedavastu, Buddhist literature

References

Aggañña-sutta. *The Pāli Tipiṭaka. Suttapiṭaka. Dīghanikāya*. Retrieved from http://tipitaka.org/romn. (In Pali).

Edgerton, F. (1985). *Buddhist Hybrid Sanskrit grammar and dictionary* (Vols. 1-2). Vol. 1: Grammar. Vol. 2: Dictionary. Delhi: Motilal Banarsidas. (Reprint, first ed.: New Haven: Yale Univ. Press, 1953).

Gnoli, R. (Ed.). (1977-1978). *The Gilgit Manuscript of the Saṅghabhedavastu. Being the 17th and last section of the Vinaya of the Mūlasarvāstivādin* (Parts 1-2). Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. (In Sanskrit).

Gnoli, R. (1977). General introduction. In R. Gnoli (Ed.). *The Gilgit Manuscript of the Saṅghabhedavastu: Being the 17th and last section of the Vinaya of the Mūlasarvāstivādin* (Parts 1-2). Part 1,. xiii-xxvi. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente.

Jones, J. J. (Transl.) (1949). *The Mahāvastu* (Vols. 1-3). Vol. 1. London: Luzac & Company.

Kim, Kyungrae (2015). The advent of a religious king to Sri Lankan Theravada tradition. *India cheolhakhoe* [= *Indian Philosophy*; Korea]*, 44*, 223-247.

Lamotte, É. (1988). *History of Indian Buddhism from the origins to the Śaka era* (S. Webb-Boin, Trans.). Louvain: Peeters Press.

Law, B. Ch. (1933). *A history of Pāli literature* (Vols. 1-2) Vol. 1. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.

Mahāvastu, based on the ed. by Émile Senart, 3 vols., Paris 1882-1897. Retrieved from http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sanskr/4_rellit/buddh/mhvastuu.htm. (In Sanskrit).

Monier-Williams, M. A. (2004). *Sanskrit-English dictionary*. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers.

Norman, K. R. (1997). *A philological approach to Buddhism. The Bukkyo Dendo Kyokai Lectures 1994*. London: School of Oriental and African Studies.

Rambelli, F. (2014). The vicissitudes of the Mahāsammata in East Asia: The Buddhist origin myth of kingship and traces of a republican imagination. *The Medieval History Journal, 17*(2), 207-227.

Robert, R. E., Buswell, D. S. (2014). *The Princeton dictionary of Buddhism*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Saṅghabhedavastu, Translated by Yi Jing. *SAT Taishō Shinshū Daizōkyō Text Database*, vol. XXIV, text no. 1450. Tokyo. Retrieved from http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ddb-bdk-sat2.php?lang=en. (In Chinese).

Shokhin, V. K. (2007). *Indiiskaia filosofiia: shramanskii period (seredina I tysiacheletiia do n. e.)* [Indian philosophy: Sramana period (middle of the 1st millennium B. C.)]. St. Petersburg: SPBU. (In Russian)

Vasubandkhu (1998). *Entsiklopediia abkhidkharmy ili Abkhidkharnakosha. Razdel I: Dkhatunirdesha, ili Uchenie o klassakh elementov. Razdel II: Indriianirdesha, ili Uchenie o faktorakh dominirovaniia v psikhike* [Encyclopaedia of the Abhidharma, or Abhidharmakosha. Part I: Dhatunirdesha, or Teaching about the Ranks of the Elements. Part II: Indriyanirdesha, or Teaching about the Factors of a Psychical Domination] (V. I. Rudoi, E. P. Ostrovskaia, Intro. and Trans.). Moscow: Ladomir. (In Russian)

Vasubandkhu (2001). *Entsiklopediia abkhidharmy, ili Abkhidkharnakosha. Razdel III: Lokanirdesha, ili Uchenie o mire. Razdel IV: Karmanirdesha, ili Uchenie o karme* [Encyclopaedia of the Abhidharma, or Abhidharmakosha. Part III: Lokanirdesha, or Teaching about the Universe. Part IV: Karmanirdesha, or Teaching about Karma (V. I. Rudoi, E. P. Ostrovskaia, Intro. and Trans.). Moscow: Ladomir. (In Russian).

Komissarov, D. A. (2016). A legend of the first king in *Saṅghabhedavastu*. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 40–55